

РАССУЖДЕНИЕ О ЧИТАТЕЛЕ И ПИСАТЕЛЕ

I

Пореволюционная современность провозгласила идею равноправия читателя с писателем, их соотносительности и даже некоторого примата первого над последним. Выяснилось, что «жрецы Аполлона» и «служители муз» творят для читателя, обслуживают его, запросы, восполняют его, читательский, заказ. Возник одно время даже особый печатный орган «на паритетных началах» – покойный еженедельник «ЧИП», в самом названии которого читатель был предупредительно выдвинут на первое место.

Идею эту нельзя не приветствовать, но ее необходимо углубить, так как она часто понимается слишком внешне и формально. Иные из писателей принимают ее не совсем искренне и как бы под давлением эпохи: расшаркиваются перед читателем, а сами не прочь повздыхать об Аполлоне и шепнуть про себя: «Подите прочь!..»

Еще недавно один известный беллетрист публично проговорился, что «писатели суть люди особливового биологического типа». Несомненно, что это утверждение есть попытка реставрации традиционного представления о писателях как о существах высшего порядка.

С другой стороны, читатель в массе как-то не принимает всерьез признанного за ним равноправия, почти не пользуется своим правом голоса в «паритетных» органах, стесняется и скромно жметя к сторонке, как новичок-выдвиженец на производственном совещании с инженерами и высокоответственными хозяйственниками.

Как-то забывается, что разнице между писателем и читателем – в сфере литературной – соответствует разница между любителем поговорить и любителем послушать – в сфере общежитейской. Уж одной этой аналогии достаточно, чтобы несколько посбавить спеси представителям писательского цеха и поднять «самочувствие» читателя. В самом деле, человек, предпочитающий по складу своей психики быть слушателем, заслуживает ли через это меньшего уважения по сравнению с говоруном?

В неграмотной и вообще в не читающей среде писательские функции выполняются разговорщиками, балагурами, рассказчиками анекдотов. В дописьменный период истории только и были такие «устные писатели», причем некоторые из них, приобретая известную квалификацию и выучку, становились даже профессионалами: сказочники, сказители, гусяры, шуты и т. д. Развитие письменности и книгопечатания отнюдь не уничтожает этой «устной словесности», и притом не только в народных массах, но и в культурном обществе.

Князь Вяземский в своей «Старой записной книжке» записал:

«У нас была и есть устная литература. Жаль, что ее не записывали. Часто встречаешь людей, которые говорят очень живо и увлекательно, хотя и не совсем правильно. Нередко встречаешь удачных рассказчиков, бойких краснобаев, замечательных и метких остряков. Но это все выдыхается и забывается, а написанные пошлости на веки-веков прикрепляются к бумаге».

По оценке Вяземского, эта устная литература была значительнее и интересней современной ей книжной литературы:

«В Москве много ходячего остроумия, этого ума, *bel esprit*, как говорят французы. В Москве и вообще в России этот ум не только бегаёт по улицам, но вхож и в салоны; зато как-то редко заглядывает он в книги. У нас более устного ума, нежели печатного» (П. Вяземский. – «Старая записная книжка», Л., 1929 г., стр. 59 и 164).

Искушенный литератор и скептический человек, Вяземский был свободен от тех чувств фетишизма к печатному слову, во власти которых находится большинство грамотных людей. Мы привыкли относиться к писательству-читательству, как к некоему высокому, чуть не священнодейственному акту, а между тем оно по существу есть суррогат живого непосредственного общения между «говорящими» и «слушающими».

Если, таким образом, писатель есть «печатный говорун», то ему так же нечего превозноситься перед читающей массой, как устному говоруну нечего гордиться перед слушателями. Ведь, иной «постоянный слушатель» может,

прорвавшись, заговорить куда интереснее и дельнее присяжного говоруна. Точно так же и иной читатель, взявшись по какому-либо поводу за перо, может написать о чем-нибудь куда интереснее и содержательнее иного члена ВССП.

Мы хотим сказать, что между писателем и читателем нет принципиально-качественной разницы. Они – одной природы и похожи друг на друга в гораздо большей степени, чем это может казаться тому и другому.

II

Начать с того, что если есть «читательская масса», то ведь, есть и «пишущая братия» или, иначе, – «литературная среда» вроде той, какая выведена в недавно вышедших под этим заглавием литературных воспоминаниях Ив. Белоусова, где на полдюжину Чехова – Горького – Андреева – Шмелева – С. Ценского приходится легион имяреков, заполняющий десять страниц именного указателя к названной книге.

С другой стороны, «замечательным писателям» соответствуют «замечательные читатели», которых, может быть, столь же мало, как и первых.

Есть «читатели по призванию», как бывают по призванию писатели, ученые, художники, музыканты, – читатели по преимуществу, для которых чтение – не развлечение, не заполнение досуга, даже не средство самообразования (в обычном смысле этого слова), а страсть, самое главное и заветное в жизни, по крайней мере – на известный период жизни.

Далеко не обязательно, чтобы такой читатель читал количественно много. Истинный читатель потому уже не может многого перечитать, что он читает медленно и взыскательно. Но, конечно, среди читателей есть и свои Боборыкины, читающие пудами, и притом плохо. Писателю-графоману соответствует тип читателя, читающего много, походя, неряшливо и неразборчиво. Это – вульгарный читатель, читатель дурного тона.

Говоря о читательстве, мы разумеем здесь не только потребление «художественной» литературы. Мы имеем здесь ввиду все роды и виды писательства-читательства: очерки, мемуары, путешествия, историческое чтение, философскую прозу, классиков естествознания и политэкономии и пр.

Как иные писатели через головы современников обращаются к потомству, пишут для читателей, физически еще не существующих, так иной читатель предпочитает авторов, физически уже не существующих.

В pendant к писательским у читателей могут быть свои, читательские, капризы, свои условия места и времени, свое «настроение»: как писателю не пишется, так читателю иногда не читается; как у писателя бывают свои, писательские, привычки к определенным письменным принадлежностям, к бумаге известного качества, к определенному порядку на письменном столе, так и читатель привыкает к формату книги, к шрифту, к издательской фирме.

Серьезный читатель знает свои часы «читательского вдохновения», в озарении которого он счастливо берет трудные страницы, постигает сокровенную мысль книги, испытывает свои читательские «эврики».

Взыскательный автор бесконечно переделывает и шлифует любимое произведение; иной читатель без конца перечитывает любимую книгу, постоянно к ней возвращаясь.

Читатель тоже вынашивает иные книги, в результате чего у него может сложиться своя «читательская биография», аналогичная писательской.

Писатель иногда не дописывает; читатель иногда не дочитывает: у него могут быть свои читательские «отрывки» и «наброски». Писательским черновикам и беловикам вполне отвечает чтение «начерно» и «набело». Нечего и говорить, что у всякого квалифицированного читателя есть своя, нажитая опытом, читательская техника.

Как и у писателя, у читателя может быть свой излюбленный жанр. Есть специальный читатель на романы, на стихи, на путешествия, на мемуары. Среди читателей есть свои прозаики и поэты. Писателю-драматургу соответствует читатель-зритель, читатель-«театрал». То же нужно сказать и о литературных школах и направлениях: понятно, что каждая воинствующая литературная группировка имеет свой более или менее обширный читательской Hinterland.

Писателям-подражателям подобны читатели-подражатели, не имеющие своего – оригинального вкуса в выборе книг, а читающие то, что читают

«другие», «все». Писателю, который «пописывает», соответствует читатель, который «почитывает». Это – так называемая «читающая публика».

Наконец, возможен и читательский плагиат. Если Я. Назаренко в своей «марксистской» «Истории русской литературы XIX века» [Вышла, кажется, седьмым изданием] в главе об Успенском (а также и в других) искусно вплетает в свой текст целые абзацы из Соловьева, Андреевича и даже из Скабичевского, не делая при этом ссылок и не употребляя кавычек, то это есть писательский плагиат, если только Назаренко – писатель. Но, там же, в качестве иллюстративного материала Назаренко приводит обильные тексты из Успенского, но как раз те, которые когда-то цитировали в своих книгах либо Андреевич, либо Скабичевский. Это уже – читательский плагиат, потому что данные тексты были в свое время вычитаны у Успенского названными, ныне покойными исследователями, а Назаренко делает вид, что сам вычитал их.

Он в данном случае читал Успенского чужими (буквально) глазами.

III

Нашу аналогию не трудно продолжить и далее, но она, кажется, уже встретила в читателе одно возражение, кажущееся победоносным: писатель активен, а читатель пассивен, писатель производит, а читатель лишь потребляет. Возражению, этому, однако должно противопоставить ряд существенных контрвозражений.

Чтение чтению рознь. Лучшие из читателей – активны. Как писатель в процессе писания время от времени превращается в читателя своего произведения (напишет страницу и пробежит ее читательским оком: «как, мол, оно вышло?»), так внимательный и медленный читатель как бы сам пишет читаемое. Короче говоря, писатель и читатель, занимаясь каждый своим делом, на момент превращаются друг в друга.

Кроме того, известно, что всякий порядочный читатель не только *впитывает*, а часто *вписывает* [в] авторский текст свое. Если иные и садятся за книги «с похвальной целью себе присвоить ум чужой», то зато есть читатели, оттачивающие чтением свой собственный ум, а в области культуры

интеллектуальной как в области культуры материальной, часто то, что оттачивают, гораздо ценнее того, обо что оттачивают.

Как писатель в своих произведениях выявляет свое творческое «я», так и читатель, читая, формирует, а иногда и обнаруживает свое читательское лицо. Евгений Онегин не был писателем, он был только читателем, но читателем столь выразительным, что Татьяна без труда разгадала его, лишь просмотрев читанные им книги:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей,
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает,
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

В этих крючках и крестах – эмбрион писательства, и здесь мы подошли к центральному пункту нашего рассуждения.

Писатель вырастает из читателя, ибо каждый замечательный писатель бы предварительно замечательным читателем и имел более или менее солидный читательский стаж. В каждом из лучших читателей сидит писатель. Писатель есть бывший читатель, а читатель есть потенциальный писатель.

Каждый писатель, умирая, оставляет два наследства: писательское в виде «полного собрания сочинений» («литературное наследие») и читательское – в виде своей библиотеки. И недаром последнее наследство изучается специалистами так же тщательно, как и первое (библиотека Пушкина, Толстого и др.).

Снабжая свое произведение эпиграфом, уснащая его цитатами, писатель обнаруживает свою читательскую природу. Делая заметки на полях читаемой книги, читатель с своей стороны обнаруживает свою писательскую природу.

Как писатель, чтобы не обмелеть, не иссякнуть и не исписаться, вынужден бывает прибегать к чтению (рецидив читательства), так читатель, дабы сохранить свою читательскую устойчивость, не потонуть в книгах и не утратить в чтении своего «я», неизбежно начинает пописывать.

Если поля книг становятся тесными для его заметок, он переносит их в записную книжку, начинает вести дневник и таким образом становится *писателем для себя*. Переписываясь по поводу и под влиянием прочитанного с друзьями и знакомыми, он становится писателем для их тесного круга. А если после смерти такого читателя кто-нибудь опубликует его записные книжки, дневники и письма, он, сам того не ведая, становится *писателем для всех*.

В наше время обильной публикации подобного рода материалов – появилось особенно много таких неумышленных писателей.

Если подобный интимный материал остается после какого-нибудь «уже писателя», то через посмертную публикацию его писатель этот обретает как бы вторую писательскую судьбу и становится, так сказать, двукратным писателем. Так, Чехов как автор «Записной книжки» и шести томов своих писем весьма заметно и блистательно вошел бы в русскую литературу, даже если бы и не написал «Полного собрания сочинений».

Некоторые читатели, впрочем, и сами начинают публиковать свои разросшиеся читательские заметки, делаясь постепенно читателями-профессионалами, читателями для библиографических отделов журналов. Это так называемые рецензенты и критики. На этой стадии читательство становится уже общественно полезным делом (или общественно вредным). Иные из таких «печатающихся читателей» превращаются в литературных критиков.

Наряду с писателями-классиками возможны и читатели-классики.

Впрочем, критики – эти писатели о писателях – все еще не признаются за настоящих писателей, они считаются как бы писателями низшего ранга, и писательский цех смотрит на них свысока. Может быть, в этом повинен отчасти личный состав нашей критики, так как, к сожалению, очень часто

«печатаящимися читателями» становятся далеко не самые лучшие и не самые замечательные из читателей.

Но дело в том, что и «настоящие» писатели, писатели, так сказать, «первичные», тоже, как сказано выше, возникают из читателей.

Читательская масса – это резерв, из которого рекрутируется писательский корпус. Читательский и писательский коллективы – это сообщающиеся сосуды. Как иные из юных театралов переходят впоследствии из партера (а чаще с галерки) на сцену, как из страстных почитателей путешественной литературы выходят Пржевальские, так на известной степени насыщенности и оплодотворенности чтением некоторые читатели органически-неизбежно начинают превращаться в писателей.

Впрочем, при отсутствии у читателя оригинального «я», момент «оплодотворенности» отсутствует, налицо остается одна лишь «насыщенность». В таком случае читатель переходит в писателя не органически, а так сказать – механически, как туча на известной степени сгущения вобранных в нее паров начинает выделять их в виде дождя или как насыщенный раствор отлагает кристаллы.

В дореволюционной русской литературе типичным примером такого «начитавшегося до писательства читателя» был Мережковский, этот насквозь цитатный, *книжный* писатель.

В научной литературе такие авторы называются компиляторами.

Вообще нужно сказать, что в литературную действующую армию, как и в сословие критиков, попадают из читательского резерва далеко не всегда лучшие особи, так что беллетристам нечего чваниться перед критиками: обе корпорации – «со всячинкой».

В «Старой записной книжке» Вяземского имеется, между прочим, такой злой афоризм:

«Беда иной литературы и заключается в том, что мыслящие люди не пишут, а пишущие не мыслят» (П. Вяземский, стр. 55).

Есть много причин, почему иные замечательные читатели никогда не реализуются в писателей: нужда и отсутствие досуга, недостаточная проницательность редакторов-издателей и критиков, лень. Вспомним Грибоедовское:

Вот таких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать,
писать.

Есть основание предполагать, что в братьях Л. Толстого – Николае и Сергее Николаевичах – погибли большие писатели. О первом из них Тургенев сказал, что «у него не было тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть большим писателем» (весьма вероятно, что по той же причине не сделался писателем и знаменитый «человек 40-х годов» – Станкевич). Что же касается второго, то тот, будучи графом не только по титулу, но очевидно, и по самочувствию, просто, видимо, не удостоивал стать литератором.

Цель нашего рассуждения показать, что «расстояние» между писателем и читателем, дающее повод кичиться одному и излишне скромничать другому, может быть сведено на нет путем одного лишь логического раскрытия этих понятий, путем выяснения соотносительности этих категорий.

Н. Прянишников